

Встречи в редакции

ДИСКУССИЯ О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В 1918—1922 ГОДАХ

В редакцию нашего журнала обратились с письмом по поводу недавно вышедшей книги Н. К. Ильюхова и И. П. Самусенко «Партизанское движение в Приморье»¹ члены Бюро Дальневосточной секции Военно-научного общества (ВНО) при Центральном музее Советской Армии (ЦМСА) ветераны гражданской войны на Дальнем Востоке Герой Социалистического Труда Ф. Н. Петров, А. П. Алютин, А. Е. Нелюбин, Н. К. Руденко, А. П. Барышников, А. Т. Якимов, Н. И. Дорогов, И. Т. Воронцов, К. П. Серов. Основное содержание этого письма сводится к следующему.

Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко — активные участники описываемых ими событий. Это давало им возможность, опираясь на свой богатый опыт и имеющиеся публикации, создать книгу, в которой правдиво и всесторонне была бы освещена героическая борьба трудящихся Приморья за власть Советов в годы гражданской войны. Но факт личного участия в описываемых событиях таит порой для авторов опасность не удержаться на почве объективности и отойти от исторической правды. Этой опасности не избежали и авторы рассматриваемой книги. Их субъективистский подход к освещению исторических событий более всего проявился в оценке зарождения и развития партизанского движения, его движущих сил, характеристике деятельности руководящих партийных центров Приморья, отдельных активных участников событий (П. М. Никифорова, М. П. Вольского, Я. К. Кокушкина, Б. Н. Мельникова, Н. И. Колесниченко и др.) и некоторых конкретных эпизодов и фактов. На словах, отмечается в письме, авторы книги признают авангардную роль рабочего класса, руководящее положение краевого (областного) подпольного Дальневосточного комитета РКП(б). Но на деле они пытаются доказать, что партизанское движение в Приморье имело самодовлеющий характер, было начато и продолжено крестьянскими массами под руководством группы беспартийных местных учителей.

Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко считают, что начало партизанскому движению в Приморье положило образование 26 октября 1918 г. в дер. Хмельницкой, Ольгинского уезда, «Комитета по подготовке революционного сопротивления контрреволюции и интервентам» под председательством Н. К. Ильюхова, ставшего и «командующим повстанческими войсками» (стр. 19, 271). Этот «Комитет» был преобразован затем в Совет восстания. Несколько позднее вместо последнего был создан в этом районе Временный Военно-революционный штаб (Ревштаб), который с первых дней своего существования, как утверждается в книге, «фактически стал рабоче-крестьянской властью не только для населения Ольгинского уезда, но и для всего Приморья» (стр. 64). Даже само название «партизанская война» родилось среди членов «Комитета» (стр. 21).

Но все эти утверждения, указывают авторы письма, имеют мало общего с действительностью. Когда создавался «Комитет» и назначался «командующий», никакого повстанческого войска еще не было. Этот «Комитет» являлся одной из инициативных групп, возникновение которых нередко предшествовало образованию партизанских отрядов. Сам же отряд сформировался значительно позднее. В воспоминаниях, опубликованных в 1957 г., И. П. Самусенко писал, что партизанский отряд образовался в конце 1918 года². О численности его в рассматриваемой книге не сказано ничего. Между тем, по свидетельству очевидца (А. Н. Яременко), это был «маленький партизанский отряд под командой учителя Ильюхова»³. Таких инициативных групп, как

¹ См. Н. Ильюхов, И. Самусенко. Партизанское движение в Приморье (1918—1922 гг.). М. Воениздат. 1962. 279 стр. (Ссылки на эту книгу в дальнейшем даются в тексте.)

² «За власть Советов!». Сборник воспоминаний участников гражданской войны в Приморье в 1917—1922 годах. Владивосток. 1957, стр. 308.

³ «Революция на Дальнем Востоке». Вып. 1. М.-Л. 1923, стр. 191.

«Комитет» в дер. Хмельницкой, и таких партизанских отрядов, как Сучанский, возникло в ту пору немало, и не только в Приморье, но и на Амуре, в Забайкалье. Это был состоявшийся в августе 1918 г. в Хабаровске V Чрезвычайного съезда Советов Дальнего Востока, переходили от фронтовой борьбы с интервентами и белогвардейцами к партизанской⁴. Тысячи бойцов и командиров ликвидированного на основе решения этого съезда Уссурийского фронта разошлись с оружием в руках по селам и деревням. Они и стали зачинателями партизанского движения. В письме приведено несколько примеров возникновения партизанских отрядов раньше, чем возник «Комитет» и образовался отряд в дер. Хмельницкой, или одновременно с ними. Все они создавались совершенно независимо от Хмельницкого «Комитета», и поэтому превращать его в краевой центр восстания, как это делается в книге, нет оснований. Краевым центром партизанского движения авторы письма считают Центральный временный революционный комитет Приморской области (Облревком), избранный на повстанческом съезде в мае 1919 г. в Анучине⁵.

Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко выступают против распространенной в литературе точки зрения об обстоятельствах выработки плана январского (1920 г.) вооруженного восстания. Они пишут, что в конце августа 1919 г. на узком совещании командиров в Белой пади, в котором участвовал прибывший сюда после выздоровления С. Г. Лазо, был заслушан доклад Н. Ильюхова о новой тактике партизан Сучанской долины». Эту тактику С. Г. Лазо одобрил, и во Владивосток последний «прибыл уже с готовым планом, разработанным в Белой пади Сучанской долины. Этот план был утвержден крайкомом партии и в ходе его выполнения менялся лишь в деталях» (стр. 164). Таким образом, получается, что план был разработан Н. К. Ильюховым. Однако никакими документами это не подтверждается. Больше того, как это видно из выступлений, писем и приказов С. Г. Лазо, относящихся к тому времени, никакого плана в Белой пади принято не было⁶. Решение о подготовке к восстанию было принято нелегальной большевистской конференцией в декабре 1919 г., создавшей для руководства восстанием большевистский Военно-революционный штаб во Владивостоке во главе с С. Г. Лазо.

Резкие возражения у авторов письма встретила трактовка в книге вопроса о партийном руководстве партизанским движением в Приморье. Как утверждается в ней, в составе Дальневосточного комитета РКП (б) существовала небольшая группа «правых», выступавших против развертывания партизанской борьбы. Несмотря на то, что «правые» потерпели поражение на собрании партийного актива во Владивостоке в декабре 1918 г. (стр. 31), они в обход принятому решению пытались сорвать восстание. С этой целью на Сучан ими был послан В. П. Шишкин, чтобы «угovorить членов «Комитета сопротивления» отказаться от мысли о восстании и взять курс на роспуск боевых дружин» (стр. 32). В Хмельницкой В. Шишкин встретился с Н. Ильюховым, «которому заявил, что прибыл по поручению подпольного партийного центра», и доказывал, что «восстание обречено на разгром». «Н. Ильюхов наотрез отказался дать свое согласие на выполнение рекомендации «правых» (стр. 32). Чтобы выяснить действительное положение дел во Владивостоке, туда был послан учитель Пермяков. «После возвращения Пермякова на Сучан у членов «Комитета» сложилось мнение, что партийный центр является противником восстания» (стр. 33). Таким образом, дается понять, что партийный центр занимал ошибочную позицию и только Н. К. Ильюхов действовал правильно.

Все вышеизложенное, сказано в письме, не соответствует действительности. Даже сам И. П. Самусенко ранее утверждал, что партизанское движение получило надежное политическое руководство со стороны областной партийной организации большевиков. «Мы всегда чувствовали организующую роль большевистского областного центра,

⁴ «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.)». Сборник документов. Владивосток. 1955, стр. 179.

⁵ С. Цыпкин, А. Шурьгин, С. Бульгин. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917—1922 гг. Москва—Хабаровск. 1933, стр. 118; «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.)». Сборник документов, стр. 219—227.

⁶ «Сергей Лазо». Воспоминания и документы. М. 1938, стр. 139—168.

который перевел стихийно возникшее восстание в организованное движение, дал политическую перспективу его развития»⁷, — писал он в 1957 году. Об этом же говорится и в воспоминаниях В. П. Шишкина⁸, статье А. А. Воронина⁹ и других работах. В письме отмечается, что неправильно и утверждение авторов книги о том, что с приездом на Сучан С. Г. Лазо, М. И. Губельмана и других большевиков в мае 1919 г. «сюда же переместился и руководящий партийный центр» (стр. 105). На самом деле во Владивостоке действовал и продолжал действовать Дальневосточный комитет РКП(б), руководивший всем революционным движением в крае.

Переходя к освещению событий периода существования ДВР, говорится далее в письме, Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко направляют огонь не на противников создания буферного государства, а на тех, кто претворял в жизнь указания В. И. Ленина. Они снова вытаскивают на свет «правых» и обвиняют руководителей Приморской партийной организации в сепаратизме, соглашательстве и т. д. По их мнению, только «технический отдел» крайкома партии, то есть Дальневосточного комитета РКП(б) (одним из руководителей этого отдела был Н. К. Ильюхов), занимал последовательно революционную позицию и руководил всей борьбой с интервентами и белыми (стр. 209—211). В книге подробно описывается (стр. 180—189) деятельность в 1920 г. нелегального партийного штаба («ПШ»), действовавшего якобы под руководством Н. К. Ильюхова, по подготовке к обороне и переходу к новой партизанской войне в случае вооруженного выступления японских интервентов. На самом деле, как считают авторы письма, никакого «ПШ» не существовало. Главным в этот период уже стал процесс строительства легальных вооруженных сил на Дальнем Востоке.

В книге, утверждают авторы письма, немало ошибок, путаницы в описании отдельных событий и фактов. Так, Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко пишут о комсомольском подполье во Владивостоке в 1919 г. (стр. 105), но тогда такого подполья быть не могло. Комсомольская организация в Приморье возникла только в ноябре 1920 года. Освобождение Читы от белогвардейцев в конце 1920 г. осуществили не партизаны, как утверждается в книге (стр. 275), а регулярные части Народно-революционной армии ДВР. В письме приводятся и другие примеры грубых фактических ошибок.

Этих ошибок, по мнению авторов письма, могло бы не быть, если бы действительно, как сказано на стр. 12, в создании книги приняли участие «80 активных участников партизанского движения, приславших свои воспоминания и документы». На самом деле она создавалась в стороне от общественности. В результате, говорится в письме, «на свет появилась порочная книга, отражающая в кривом, субъективистском зеркале борьбу трудящихся Приморья за свое освобождение».

Исходя из того, что поднятые вопросы имеют принципиальный характер, редакция журнала приняла решение созвать для обсуждения письма специальное совещание.

Оно состоялось 15 января 1964 года. В совещании приняли участие авторы письма в редакцию, а также другие ветераны гражданской войны — дальневосточники: В. А. Бородавкин, С. Г. Вележев, А. Я. Климов, Я. К. Кокушкин, О. А. Лазо; научные работники: Г. Е. Рейхберг (Институт истории АН СССР), М. И. Стишов (МГУ), Б. М. Шерешевский (Новосибирский университет), С. Н. Шишкин (ИМЛ при ЦК КПСС), А. П. Шурыгин (Всесоюзный заочный машиностроительный институт); представители: Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота полковник М. А. Беликов, Воениздата — Герой Советского Союза полковник И. Г. Розанов и капитан I ранга Н. И. Соловьев, ВНО при ЦМСА — генерал-майор В. Ф. Рыжиков, ЦГАСА — Н. А. Березина, журнала «История СССР» — В. Ф. Кутьев. На совещание были приглашены и авторы обсуждаемой книги Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко.

С заявлением от имени Бюро Дальневосточной секции ВНО при ЦМСА выступил Н. К. Руденко. Он сказал, что члены Бюро расходятся с Н. К. Ильюховым и И. П. Самусенко главным образом по двум вопросам: во-первых, в оценке зарождения партизанского движения в Приморье и, во-вторых, в освещении деятельности большевистских организаций по руководству этим движением. Авторы книги считают,

⁷ «За власть Советов!». Сборник воспоминаний, стр. 309—310.

⁸ Там же, стр. 128—129.

⁹ «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.)», стр. 286—292.

что партизанское движение в Приморье зародилось в октябре 1918 г. в дер. Хмельницкой, а непосредственная борьба развернулась после собрания крестьян села Казанки 15 декабря, участники которого призвали народ к восстанию (стр. 30). Начавшись в одном месте, движение, как при цепной реакции, распространилось постепенно по всему Приморью. Но «теория цепной реакции», сказал Н. К. Руденко, находится в полном противоречии с истинным ходом событий. Если рассматривать этот вопрос шире и глубже, то трудящиеся массы Приморья поднялись на борьбу с белогвардейцами и интервентами не в конце 1918 г., а значительно раньше, и партизанская война не была началом этой борьбы, а являлась естественным переходом от одной формы вооруженной борьбы — фронтовой, к другой форме — партизанской. В подтверждение этого Н. К. Руденко привел такие аргументы. Еще 7 апреля 1918 г., вскоре после высадки японского десанта во Владивостоке, Дальсовнарком, возглавлявшийся большевиками, призвал трудящихся к вооруженной борьбе¹⁰. 5 июня от имени трудового народа он объявил беспощадную борьбу с контрреволюцией и поручил местным Советам «немедленно мобилизовать силы Красной гвардии»¹¹. В конце июня был создан Уссурийский фронт, насчитывавший 12 тыс. бойцов. Это и было первоначальное собрание революционных сил на борьбу с интервентами и белогвардейцами. В августе под ударами врагов Уссурийский фронт распался, но борьба на этом не прекратилась.

Решение о ее продолжении было принято в августе в Хабаровске V Чрезвычайным съездом Советов Дальнего Востока и состоявшимся сразу после съезда совещанием партийных, советских и военных работников, наметившим план развертывания партизанской борьбы¹². В начале сентября была выпущена «Памятка красноармейцу», в которой говорилось о необходимости создания партизанских отрядов¹³. 11 сентября в Суражевке состоялось второе совещание партийных, советских и военных работников Дальнего Востока, которое решило повсеместно готовить вооруженные восстания и партизанскую войну с интервентами и белогвардейцами. 19 сентября Дальсовнарком предложил «всем членам Дальсовнаркома, командирам, советским работникам уйти с отрядами и группами Красной гвардии в тайгу или в подполье и готовить партизанскую народную войну против оккупантов и белых»¹⁴.

Как выполнялось это решение? Это можно увидеть, если проследить действия отдельных участников фронтовой борьбы, переходивших к партизанской войне. В Хабаровском уезде ее организаторами стали активнейшие участники борьбы на фронтах — П. П. Постышев, И. П. Шевчук, С. Г. Вележев. Южнее Хабаровска партизанское движение возглавил рабочий арсенала Д. И. Бойко-Павлов, а в районе Имана — Е. Г. Ярошенко. Под Спасском организаторами партизанского движения стали М. А. Шпарийчук и И. М. Певзнер. В сентябре 1918 г. под Никольск-Уссурийском возник партизанский отряд К. П. Степаненко. В мае — июне 1918 г. Г. М. Шевченко создал красногвардейский повстанческий отряд, который сражался летом на Гродковском и Уссурийском фронтах, а после распада фронтов продолжал вести борьбу в Южном Приморье. Все эти отряды, как и многие другие, возникли совершенно независимо от «Комитета» из дер. Хмельницкой, о существовании которого им ничего не было известно.

Из «теории цепной реакции», сказал далее Н. К. Руденко, следует неправильный вывод, будто зачинателями и руководителями партизанского движения в крае были беспартийные, а большевики примкнули к нему позднее. Но это неверно как для Приморья в целом, так и, в частности, для Ольгинского уезда, где возник Сучанский отряд. В этом районе действовали коммунисты З. Н. Мартынов и Г. С. Локтев, которые, как свидетельствует М. И. Губельман, «по заданию подпольного комитета партии проводили работу по созданию сопротивления крестьянством и учительством Сучанской установили тесную связь с революционным крестьянством и учительством Сучанской

¹⁰ Там же, стр. 113.

¹¹ С. Н. Шишкин. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922). М. 1957, стр. 26.

¹² См. А. И. Крушанов. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918 — март 1920 г.). Владивосток. 1962, стр. 69—70.

¹³ А. Н. Геласимова. Плечом к плечу. Записки учительницы. Хабаровск. 1958, стр. 236.

¹⁴ Там же, стр. 247—248.

долины»¹⁵. Иначе их роль изображается в книге Н. К. Ильюхова и И. П. Самусенко, где сказано, что они просто скрывались в землянке и только после создания «Комитета» ночью явились в Хмельницкую и отдали себя в распоряжение последнего (стр. 19). В действительности на Сучане и в Тетюхе имелись нелегальные большевистские организации. В Ольгинском уезде, кроме того, сохранились некоторые сельские и волостные Советы, возглавлявшиеся коммунистами или сочувствовавшими им. Эти парторганизации и Советы и готовили вооруженное восстание. Н. К. Руденко в связи с этим привел отрывок из воспоминаний Е. Пряхина об обстоятельствах зарождения Сучанского отряда. Согласно этому свидетельству, и здесь зачинателями борьбы были коммунисты, руководители местных органов Советской власти. Они и привлекли к участию в движении Н. К. Ильюхова, тогда беспартийного военного специалиста.

Если местным сучанским коммунистам Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко отводят весьма скромную роль, считая, что они лишь присоединились к восстанию, то краевое партийное руководство они принижают на всех этапах его деятельности. Не отрицая наличия споров и разногласий во Владивостокской партийной организации, Н. К. Руденко отметил, что не эти разногласия характеризуют общую линию партийного руководства. Ценные сведения о деятельности подпольного Дальневосточного комитета РКП(б) в 1919 г. содержатся в докладной записке, направленной им ЦК партии и Советскому правительству в январе 1920 года. «С начавшимся в феврале — январе 1919 г. партизанским движением в Приморской области, — говорится в этом документе, — сразу была установлена тесная связь, продолжающаяся и до настоящего времени»¹⁶. Эти сведения не имеют ничего общего с трактовкой Н. К. Ильюховым и И. П. Самусенко вопроса о роли Владивостокского партийного комитета в руководстве борьбой трудящихся Приморья.

Чем же объяснить эти отступления от исторической правды, спрашивает Н. К. Руденко. Они вызваны субъективистским подходом авторов книги к освещению событий, их стремлением сделать Н. К. Ильюхова главной, ведущей фигурой гражданской войны в Приморье, чего в действительности не было. Не случайно, что в книге принижается роль действительных организаторов и руководителей вооруженной борьбы против белых и интервентов. Несамостоятельным человеком, только и прислушивающимся к словам Н. К. Ильюхова, изображен С. Г. Лазо. Неверно охарактеризованы К. А. Суханов, М. П. Вольский, Б. Н. Мельников, приклеены ярлыки «правых» П. М. Никифорову, возглавлявшему после выхода из тюрьмы краевой комитет партии и приморскую часть Дальбюро, и В. П. Шишкину. Анархистами изображены Г. М. Шевченко и В. Л. Клименко. Оклеветан и обвинен в предательстве Я. К. Кокушкин, активнейший деятель партийного подполья и партизанского движения. Следует заметить, что все эти обвинения документально не подтверждаются. Вот почему, заключает Н. К. Руденко, с таким единодушием книга подверглась суровой критике.

И. П. Самусенко отметил, что, помимо отрицательных отзывов, на книгу имеются и положительные, свидетельствующие о том, что она встречена читателями с интересом. Несколько одобрительных откликов было опубликовано в газетах. Выступление авторов письма И. П. Самусенко рассматривает как стремление подогнать под определенную схему вопросы, связанные с руководством партизанской борьбой: во Владивостоке действовал Дальневосточный крайком партии, на территории области — военно-оперативный центр, в уездах и волостях — штабы. Именно такой схемы придерживались ранее некоторые авторы, писавшие по этим вопросам. Однако в действительности все обстояло иначе. В Сучанской долине началось стихийное движение крестьянства. Оно было энергично поддержано шахтерами-большевиками, без директив свыше.

Возражая критикам, И. П. Самусенко доказывал, что связь между событиями на Уссурийском фронте и началом партизанской войны нашла освещение в книге, и в подтверждение сослался на стр. 18, где говорится: «Осень 1918 г. стала периодом собиранья революционных сил Приморья. В одних местах по почину ушедших в глубо-

¹⁵ М. И. Губельман. Борьба за Советский Дальний Восток (1918—1922). М. 1958, стр. 135.

¹⁶ «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.)». Сборник документов, стр. 300.

кое подполье коммунистов, в других местах по собственной инициативе рабочие и крестьяне стали создавать отряды и боевые дружины... Огромную роль в этом сыграли бывшие солдаты-фронтовики и красногвардейцы...» Ни V съезд Советов Дальнего Востока, ни какой-либо партийный орган не принимали в то время решения о переходе к партизанским методам борьбы, отмечает далее И. П. Самусенко. Партийный центр во Владивостоке не сразу повернул к партизанскому движению, а часть его работников вообще была против начала борьбы. Между тем обстановка в крае требовала немедленного создания центра восстания, и таким центром действительно стал в первое время «Комитет». Подтверждение такой мысли можно, в частности, найти у П. М. Никифорова, который писал следующее: «Первые же столкновения еще слабых партизанских отрядов с белогвардейцами вокруг Сучана нашли отклик в других районах Приморской области, где также появились признаки революционного движения крестьян. В марте 1919 года был созван съезд действующих партизанских отрядов Приморья..., а для руководства партизанским движением и политической жизнью занимаемых партизанами территорий был создан Военно-революционный штаб. Перед этим штабом... была поставлена конкретная задача — объединить партизанское движение по всей области...»¹⁷. «Сучанский штаб пытается объединить под своим командованием все партизанские отряды, действующие и в Приморье»¹⁸, — писал А. К. Флегонтов. О том, что первые партизанские отряды возникли в Сучанской долине, а затем в Тетюхе — Ольге, Спасске, Имане, Анучине, Никольск-Уссурийском, — сообщала 11 марта 1920 г. газета «Красное знамя», орган Приморского обкома РКП(б). А. А. Ширямов отмечал: «Тетюхинская организация имела связь с Владивостокским комитетом партии и ждала оттуда сигнала к восстанию. Вскоре сигнал пришел, но не из города. В конце января 1919 г. по деревням и по руднику прошел слух, что восстание началось на Сучане...»¹⁹. О создании в конце 1918 г. первого партизанского отряда именно в районе Сучана сообщал А. А. Сенкевич²⁰. Об образовании в Хмельницком под руководством учителей Н. К. Ильюхова и Т. О. Мечика «Комитета» как о начале партизанского движения в крае говорится и в юбилейном сборнике о советском Приморье²¹.

В подтверждение своей точки зрения И. П. Самусенко привел еще ряд примеров. В Приморье помнят события далеких лет, сказал он. Газета «Красная звезда» отметила 40-летие партизанского восстания и первого боя у дер. Хмельницкой. 2 января 1959 г. в селах и деревнях Сучанской долины были проведены торжественные собрания, причем в селах Фроловка и Сергеевка они проходили в школах, где за 40 лет до этого размещался Ревштаб и работал 1-й съезд трудящихся Ольгинского уезда.

И. П. Самусенко обосновывал далее правильность содержащихся в книге положений о происхождении самого названия «партизанская война» и многочисленных сведений о «командующем», то есть Н. К. Ильюхове. Он полемизировал с авторами письма, которые, ссылаясь на его статью, утверждают, что Сучанский отряд создавался в двадцатых числа декабря. На самом деле в тексте сказано: «В двадцатых числа декабря был проведен съезд²² представителей боевых дружин, на котором было положено начало Сучанскому партизанскому отряду»²².

И. П. Самусенко настаивал, что «ПШ» действительно существовал и лично ему приходилось иметь дело с этим органом в связи с доставкой военных грузов в Сучанскую долину. Хотя документов, прямо подтверждающих факт существования «ПШ», не сохранилось, но, по словам И. П. Самусенко, имеются косвенные свидетельства. Что касается упреков в клевете на отдельных участников борьбы на Дальнем Востоке, то И. П. Самусенко не согласен с ними и считает, что в книге приведены достоверные сведения и оценки. В заключение И. П. Самусенко отверг упреки в «самовосхвалении» одного из авторов книги и утверждал, что имя Н. К. Ильюхова приводится в достоверных эпизодах.

¹⁷ «Борьба за Советы на Дальнем Востоке». Вып. I. М. 1932, стр. 5—6.

¹⁸ «В огне революции». Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск. 1927, стр. 154.

¹⁹ «Пролетарская революция», 1925, № 3, стр. 235.

²⁰ «Сергей Лазо». Воспоминания и документы, стр. 125.

²¹ «Приморский край». Владивосток. 1958, стр. 468.

²² «За власть Советов!». Сборник воспоминаний, стр. 309.

Н. К. Ильюхов возражал авторам письма, утверждающим, будто уже в сентябре 1918 г. под Никольск-Уссурийским был создан партизанский отряд К. П. Степаненко и проведен первый бой с белыми. Он считает, что крестьянство в массе оставалось тогда еще нейтральным. Наша точка зрения, сказал он, состоит в том, что переход середняка от колебаний к активной защите Советской власти начался осенью 1918 г. Выражением этого процесса и было партизанское движение. Зачинателем его были сучанские шахтеры и тесно связанные с ними крестьяне Сучанской долины. Здесь жило много бедноты, «долевиков», в отличие от «стодесятильников» Никольск-Уссурийского уезда. Поэтому и поворот крестьянства в сторону Советской власти раньше всего начался на Сучане. Эти обстоятельства и определили одновременность назревания восстания по всему Приморью.

Касаясь вопроса о партийном руководстве движением, Н. К. Ильюхов говорил, что Дальневосточный комитет РКП(б) в тот период стоял на неправильных позициях, выступая против начала партизанской войны, в то время как ЦК партии в сентябре 1918 г. призывал к разворачиванию всенародного восстания в тылу врага. В литературе по истории Дальнего Востока, продолжал Н. К. Ильюхов, утвердилось мнение о важном значении конференции большевиков в апреле 1919 г. во Владивостоке, после которой областной партийный комитет перешел к активному руководству партизанским движением, что явилось поворотным пунктом в развитии последнего. На самом деле, по мнению Н. К. Ильюхова, эта конференция была не только большевистской. В ней участвовали представители и других партий, стоявших на платформе Советской власти, — «левых» эсеров и максималистов. Она выступила против поддержки партизанского движения. Для подкрепления своей точки зрения Н. К. Ильюхов зачитал копию «Резолюции, принятой на конференции партий во Владивостоке, стоящих на платформе Советов, 20-го апреля 1919 года», хранящуюся в архиве секретариата «Истории гражданской войны в СССР». В резолюции формулировалось, по существу, отрицательное отношение к стихийным народным восстаниям. Однако мы в своей книге, сказал оратор, этот документ, хотя он нам был известен, не использовали и излагали вопрос так, как писали другие. В заключение Н. К. Ильюхов привел ряд доводов в защиту содержащихся в книге утверждений о совещании в Белой пади, выработке плана борьбы за города, разложении войск белогвардейцев и организации взаимодействия с партизанскими отрядами.

М. И. Стишов остановился прежде всего на документе, который привел в своем выступлении Н. К. Ильюхов. Из его текста не видно, сказал он, кто, где, когда и при каких обстоятельствах составил этот документ, рассматривался ли он кем-либо и был ли принят или отвергнут, имели ли к нему отношение большевики и т. д. Поэтому нельзя всерьез принимать подобные документы и тем более строить на них какие-либо выводы. М. И. Стишов поддержал авторов письма, считающих, что книга написана с неправильных позиций, что ее авторы, по существу, отрицают партийное руководство партизанским движением, а в тех случаях, когда на словах признают такое руководство, на деле всячески принижают его. Наиболее ярко об этом свидетельствует трактовка авторами книги вопроса о конференции большевиков Дальнего Востока во Владивостоке в апреле 1919 г. (стр. 85—86). В книге сказано, что там «решался вопрос об отношении партийных организаций края к партизанскому движению». Получается, что до апреля партийные организации вообще не занимались руководством партизанским движением, оно началось и развивалось помимо них, но под руководством Н. К. Ильюхова. И только когда партизанская война стала фактом, партийная организация решила присоединиться к движению. На основании решения партийной конференции на Сучан в мае 1919 г. прибыла группа большевиков (С. Г. Лазо, М. И. Губельман, И. М. Певзнер и др.), и поэтому сюда же, говорится в книге, переместился руководящий партийный центр, хотя тут же авторы дают понять, что указанные товарищи прибыли в распоряжение местного Ревштаба. В действительности проезд на Сучан руководящих партийных работников Приморья был вызван весьма важными обстоятельствами. В марте 1919 г. состоялся VIII съезд РКП(б), принявший решение о переходе к политике прочного союза со средним крестьянством. В развитие этого решения III нелегальная Общесибирская конференция РКП(б) разработала обширную программу дальнейшего разворачивания партизанского движения. В этот период большевики Сибири отказались от подготовки восстаний в городах,

в глубоком тылу, кончавшихся, как правило, неудачей, и взяли курс на установление прочного союза с середняком и развертывание партизанского движения. Большевики Дальнего Востока так же горячо восприняли новую политику партии в деревне и, опираясь на решения III нелегальной Общесибирской конференции, решили не «присоединиться» или «одобрить» партизанскую войну крестьянства, а усилить руководство разгоравшимся движением. Для этой цели руководящие деятели парторганизации и выехали на Сучан.

М. И. Стишов проанализировал также те места книги, где говорится о пребывании в мае — июне 1919 г. С. Г. Лазо на Сучане. Из текста книги явствует, будто С. Г. Лазо своего мнения вовсе не имел, а только соглашался с планами Н. К. Ильюхова, который представлен руководителем всей борьбы (стр. 103—116). Даже план боевых операций на лето был разработан и доложен Н. К. Ильюховым, а С. Г. Лазо только «выслушал доклад, не проронив ни одного слова. Лишь рука его привычно бегала по тетради, записывая отдельные мысли. Затем привычной скороговоркой он сделал свое заключение: «План в основном следует одобрить» (стр. 116). Таким образом, читателю внушается мысль, будто партизанскую стратегию и тактику творил Н. К. Ильюхов, а С. Г. Лазо ее только принимал. Еще более отчетливо эта тенденция видна при изложении в книге обстоятельств так называемого совещания в Белой пади, принявшего будто бы по предложению Н. К. Ильюхова решение о новой тактике, заключавшейся в переходе к разложению войск противника и борьбе за города. На самом деле ничего нового в этой тактике не было. Работа по разложению войск противника, дислоцировавшихся, как правило, в городах, осуществлялась городскими парторганизациями и в то время и раньше. Партизаны могли проводить такую работу лишь частично, а именно только в отношении действовавших против них частей. Условий же для борьбы за города Приморья в конце лета 1919 г. еще не было. Таким образом, налицо попытки авторов приписать себе в целях самовосхваления такие действия, которых на самом деле они не совершали. Резко возражал М. И. Стишов против характеристик, даваемых в книге отдельным активным участникам борьбы на Дальнем Востоке. Особенно это относится к Я. К. Кокушкину, которого авторы книги оклеветали.

А. Е. Нелюбин огласил заявление Ф. Н. Петрова, не имевшего возможности лично принять участие в дискуссии. Ф. Н. Петров считает, что в книге нет исторической правды. Прежде всего это касается оценок деятельности товарищей по борьбе и характеристики Дальбюро и местных парторганизаций. Книга «Партизанское движение в Приморье» может лишь дезориентировать читателя, который захочет узнать, как боролись коммунисты-партизаны. Она не поможет выполнению задачи воспитания советских людей на традициях защиты великих завоеваний пролетарской революции. В книге все изображено в кривом зеркале. Одних авторы ругают, других хвалят, нередко в обоих случаях неизвестно за что, так как факты, доказательства отсутствуют, а многое ими просто выдуманно. Подобные книги, делает вывод Ф. Н. Петров, издавать нельзя, так как они наносят вред исторической науке. В связи с этим он критиковал Воениздат, работники которого не посоветовались со специалистами прежде, чем выпустить эту книгу.

Б. М. Шерешевский рассказал, что он сравнивал данную книгу с первым ее вариантом, написанным Н. Ильюховым совместно с М. Титовым в 1928 году²³. В целом авторы освещали тогда события более объективно, чем в 1962 году. Новому изданию книги, сказал оратор, присущ ряд серьезных недостатков методологического характера, отмеченных в письме в редакцию группы ветеранов и в выступлении М. И. Стишова. Одним из таких недостатков является настойчиво проводимое в книге деление участников событий на «правых» и «левых». Для 1918 г. «правым» объявляется Резников, но он не был работником Приморской парторганизации. Затем дается понять, что «правым» был П. М. Никифоров. Неверно освещается в книге вопрос о том, как изживались «антибуферные» настроения в связи с созданием ДВР. Эти настроения были гораздо более живучими, чем показано авторами. Искажены ими факты относительно Я. К. Кокушкина. Тенденциозный подход виден и в интерпретации письма из тюрьмы П. М. Никифорова по поводу крестьянских восстаний. Это письмо

²³ Н. Ильюхов и М. Титов. Партизанское движение в Приморье (1918—1920 гг.). Л. 1928.

(а не письма, как сказано в книге) было написано в декабре 1918 г., а авторы книги говорят о нем в связи с событиями весны 1919 г., когда обстановка на Дальнем Востоке существенно изменилась. Б. М. Шерешевский далее сказал, что он не склонен рассматривать работу Н. К. Ильюхова и И. П. Самусенко как абсолютно непригодную. В ней есть элементы субъективизма, и очень серьезные, но немало и интересного конкретного материала. Б. М. Шерешевский не считает, что в книге принижена роль рабочего класса в борьбе в Приморье, что видно по освещению деятельности шахтеров Сучанских копей. Комсомольского подполья, о котором говорится в книге, здесь, разумеется, не было, но там действовала молодежная организация, руководимая большевиками. В данном случае авторы погрешили скорее в терминологии, употребив более позднее понятие.

К общей оценке книги, данной Б. М. Шерешевским, присоединился Г. Е. Рейхберг. Он призвал ее авторов прислушаться к той критике, которая раздается в их адрес, ибо высказывается много справедливых замечаний. В мемуарной литературе по истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, сказал Г. Е. Рейхберг, обнаруживается немало неточностей, ошибок и противоречий. Видимо, пора тщательно проанализировать все вышедшие книги и сопоставить их друг с другом и с документами, чтобы выработать объективные оценки наиболее важных событий. Г. Е. Рейхберг отметил как неправильную тенденцию многих мемуаристов писать не только о тех событиях, очевидцами или участниками которых они были, но и о тех, в которых они участия не принимали и вынуждены воспроизводить их по другим данным. Г. Е. Рейхберг согласился с мнением Б. М. Шерешевского, отдавшего предпочтение книге Н. Ильюхова и М. Титова на ту же тему, написанной в 1928 г. по горячим следам событий, не имевшей наслоений периода культа личности и в целом более интересной и правдивой. Вместе с тем Г. Е. Рейхберг считает неправомерной тенденцию полностью отвергнуть книгу, ибо в ней можно найти ряд интересных оценок, фактов и т. д. Нельзя в пылу полемики все это сбрасывать со счетов. Ошибка авторов и издательства, в значительной мере приведшая к нынешней дискуссии, в том, что они не посоветовались с научной общественностью до выхода книги.

А. П. Барышников, объясняя, почему члены Бюро Дальневосточной секции ВНО при ЦМСА с такой остротой поставили вопрос об этой книге, подчеркнул, что начиная с первого ее издания (1928 г.) в освещении истории партизанского движения в Приморье утвердилась ошибочная схема. Эта схема перешла и в некоторые исторические исследования. Между тем она не соответствует действительности, что могут засвидетельствовать многие участники событий, например, присутствующий на обсуждении С. Г. Вележев, действовавший вместе с П. П. Постышевым под Хабаровском. Партизанское движение в Забайкалье и Приамурье возникло раньше, чем в Приморье. Уже одно это опровергает то место в книге, где говорится, будто даже термин «партизанская война» родился в дер. Хмельницкой. Что касается Приморья, то, как уже отмечалось, там ряд отрядов возник раньше, чем создан отряд в Хмельницкой. Главный же упрек авторам книги следует сделать по поводу того, что в ней нет ни одного доброго слова о дальневосточном партийном руководстве, в деятельности которого авторы видят только ошибки и недостатки. Более того, авторы прибегают к совершенно недопустимым приемам при освещении этого вопроса. Так, они много критикуют «правых» во Владивостокской организации. Фамилий же «правых», кроме В. П. Шишкина и П. М. Никифорова, не называют. Но первый в то время вообще не был членом партии, а обстоятельства его приезда к партизанам по поручению «правых» требуют самого тщательного изучения. Что касается П. М. Никифорова, то критику в его адрес авторы основывают на доводах, достаточно полно рассмотренных другими выступавшими. Следует лишь добавить, что в письме П. М. Никифорова, на котором авторы книги строят свои обвинения, нет ни слова о партизанском движении, а речь идет о крестьянских восстаниях. К искажению истории прибегают авторы книги и по вопросу о «буфере». В 1928 г. Н. Ильюхов (в книге, написанной совместно с М. Титовым) признавал, что сам он в 1920 г. стоял на неправильных, антибуферных позициях, в то время как П. М. Никифоров проводил правильную политику. В новой же книге Н. К. Ильюхов утверждает прямо противоположное. И дело здесь не в отдельных ошибках и неточных формулировках, а в неправильном взгляде авторов книги на важнейшие вопросы истории гражданской войны в Приморье.

Я. К. Кокушкин отметил, что в книге есть ценный материал, но в целом она написана с ошибочных позиций, поскольку авторы, как уже говорилось, принижают роль партийного руководства, непомерно преувеличивают свою собственную роль, допускают в ряде случаев прямую фальсификацию.

В качестве яркого примера искажения событий Я. К. Кокушкин привел имеющееся в книге утверждение о том, что якобы в ноябре 1921 г. в с. Яковлевке по приказу командира Палицына и комиссара Кокушкина вполне боеспособный батальон сдался в плен. «Сдача в плен целого батальона вместе с командным составом, да к тому же без малейших попыток к сопротивлению, — сказано в книге, — была позорным явлением, не имеющим прецедента в истории партизанского движения» (стр. 235). Прежде всего, отметил Я. К. Кокушкин, документ, на который авторы ссылаются (ЦГАОР, ф. 368, д. 1, л. 29), свидетельствует о том, что в конце января 1922 г. он, Я. К. Кокушкин, уже был начальником Политотдела и членом Военного Совета партизанских отрядов Приморья. Естественно, этот документ не подтверждает того, что написано в книге.

Обстоятельства же отступления партизанских сил, по словам Я. К. Кокушкина, таковы. В конце ноября 1921 г. в Яковлевке действительно стоял 2-й батальон под командой Палицына. Я. К. Кокушкин комиссаром батальона в то время не был. Когда белогвардейцы перешли в ноябре в общее наступление, 2-й батальон в полном составе начал отходить из села, преследуемый белыми, по таежным тропам в условиях суровой зимы. В оборонительных боях и в связи с сильными морозами батальон нес потери убитыми, ранеными, больными, обмороженными и отставшими. Только после боя в ночь на 1 декабря, в связи с тем, что комиссар Маслов пропал без вести, Я. К. Кокушкин стал исполнять обязанности военкома. Батальон был плохо подготовлен к борьбе в зимних условиях и не имел теплого обмундирования. Прорвавшись в долину р. Иман, отступавшие обнаружили, что части НРА отошли из этого района и соединиться с ними невозможно. Здесь все наличные силы были разделены на две группы. Одна — более боеспособная — возвращалась в район Анучина для ведения партизанской войны. Другая — главным образом остатки 2-го батальона под командой Палицына — оставалась в Иманской долине. В период 16—21 декабря Я. К. Кокушкина в батальоне не было, так как он направлялся в Бикин для установления связи с командованием НРА. Возвратившись, он вновь стал комиссаром батальона. В этот период от батальона отделилась еще группа боеспособных бойцов для действий на железнодорожной линии. Остатки батальона под давлением белых поспешно отступали вверх по р. Иман, на восток, в горы. Утром 26 декабря (то есть почти через месяц после ухода из Яковлевки, где, по уверениям авторов книги, батальон был пленен) остатки батальона, претерпевшие множество лишений, обремененные больными и обмороженными и утратившие в значительной мере боеспособность, были атакованы белыми у д. Картун (около 350 км от Яковлевки). Около 100 бойцов батальона вместе с Палицыным попали в плен. Был здесь пленен и Я. К. Кокушкин, но белыми он не был опознан, и ему тут же удалось уйти в тайгу. Никакого приказа о сдаче в плен батальона никто не давал. 31 августа 1922 г. Дальневосточная Центральная Комиссия при Дальбюро ЦК РКП(б), рассмотрев дело группы коммунистов, в том числе Я. К. Кокушкина, обвиненных «в связи с отступлением партизанских военных сил на Приморском фронте в ноябре 1921 г.», не усмотрела «в действиях привлеченных к следствию товарищей элемента партийной преступности, полагая в то же время, что причина наших военных неудач осенью 1921 г. сложна и может быть определена только исторически»²⁴. Эти факты не могли не быть известными авторам книги. Однако с ними они не посчитались, наоборот, грубо их извратили, бросив лживые обвинения большой группе людей, сражавшихся в конце 1921 г. в Приморье.

Наши исторические книги, сказала О. А. Лазо, должны воспитывать в молодежи чувства советского патриотизма, интернационализма. К сожалению, обсуждаемая книга этим задачам не отвечает. Хотя в ней и имеются интересные моменты, но в целом много беспринципности. В подтверждение своей оценки О. А. Лазо остановилась на приемах использования авторами документов. Выступавшие уже отмечали,

²⁴ Госархив Хабаровского края, ф. 415, оп. 1, д. 1, л. 80; Приморский крайпартархив, ф. 559, д. 5.

как в книге процитировано письмо П. М. Никифорова и какая дана ему оценка. Добавлю, что авторы умолчали о заключительной части письма, где говорится, что необходимо учитывать, насколько высказанные в письме взгляды «соответствуют политической ситуации, которая меняется очень быстро, а я, отрезанный от васостоянием, всего учесть не в состоянии».

Как и М. И. Стишов, О. А. Лазо высказала сомнение в достоверности приведенной Н. К. Ильуховым «резолюции», будто бы имеющей отношение к конференции большевиков во Владивостоке в апреле 1919 года. О. А. Лазо вспоминает, что она была в то время там, где эта конференция начинала свою работу. В ней участвовали только большевики. Им уже были известны решения прошедшей в марте III нелегальной Общесибирской конференции РКП(б), и следовательно, эта «резолюция» от большевиков исходить не могла.

Говоря об обстоятельствах выработки плана вооруженного восстания и наступления на города, О. А. Лазо высказала сомнение в достоверности содержащегося в книге рассказа о том, что Н. К. Ильухов при встрече с С. Г. Лазо в Белой пади представил последнему свой план, который и был принят. Когда была встреча, все эти вопросы еще не могли возникнуть, ибо условия для общего восстания и борьбы за города начали создаваться значительно позднее, а именно в декабре 1919 г. Тогда и был разработан соответствующий план. Автором его был С. Г. Лазо. При этом учитывалось, конечно, и наличие партизанских сил, но главную роль должны были сыграть солдаты владивостокского гарнизона, которых предстояло привлечь на сторону революции, и рабочие массы, их забастовочная борьба и действия рабочих дружин. Предусмотреть в своем докладе действия этих сил Н. К. Ильухов, находясь на Сучане, естественно, не имел возможности, а следовательно, не мог и разработать план дальнейшей борьбы.

С. Г. Вележев критиковал ошибки, которые авторы книги допустили, рассказывая о переходе от партизанских методов борьбы к действиям регулярных частей на фронтах. Как доказывается ими, такой переход совершался в конце 1919 г. (стр. 160). На самом деле регулярная армия стала строиться позднее, и процесс этот шел постепенно. Причем дело здесь не только в разных месяцах, а в изменении военно-политической обстановки на Дальнем Востоке в связи с созданием ДВР и Дальбюро РКП(б), чего авторы книги не учитывают. Они подробно описывают, как, помимо усилий по строительству легальных вооруженных сил, был выработан особый план второй партизанской войны (стр. 181). Следует категорически заявить, сказал С. Г. Вележев, что никто в Хабаровске этого плана не знал и по нему не действовал. В то время главным был вопрос о создании регулярной армии, а не о партизанской войне. Неверно утверждение авторов книги, будто именно выполнение плана второй партизанской войны помогло остановить японских интервентов на рубеже Амура. На Восточном фронте под Хабаровском, говорится в книге, действовала 2-я Амурская армия, фронт имел 30 тыс. бойцов, несколько танков и т. д. На самом деле 2-я Амурская армия была сформирована в конце 1920 г., и в апреле под Хабаровском ее быть не могло, фронт насчитывал примерно половину состава, указанного авторами, а танков не имел вообще. Не партизаны разгромили интервентов на Красной речке (стр. 198, 275), наоборот, там были разбиты наши части. Все перечисленные ошибки стали возможными потому, что авторы в этих событиях лично не участвовали, а заимствовали сведения из других книг. Далее С. Г. Вележев подробно остановился на содержащихся в книге ошибках, касающихся обстоятельств освобождения в конце 1920 г. Читы и ликвидации читинской «пробки». Точка зрения С. Г. Вележева сводится к тому, что эту операцию провели части НРА, а партизанские отряды им помогали. Многие ошибки в книге, по мнению С. Г. Вележева, проистекали из того, что авторы смотрят на события из «своего партизанского окошка», нередко освещая их в искаженном свете.

Когда пишутся воспоминания, сказал В. А. Бородавкин, пусть мемуаристы не боятся обратиться к живым непосредственным участникам событий. Готовя данную книгу, ее авторы не обратились к своим товарищам с просьбой посмотреть рукопись и сказать, где они правы и где ошибаются. В. А. Бородавкин подверг критике освещение в книге некоторых вопросов, но возражал Ф. Н. Петрову, отозвавшемуся о книге только резко отрицательно. Касаясь обстоятельств зарождения партизанского движения

на Дальнем Востоке, оратор отнес начало его к периоду перехода от фронтовой борьбы к партизанским методам в 1918 г. Вопрос об этом был обсужден на V съезде Советов Дальнего Востока. Многие красногвардейцы Уссурийского фронта рассредоточились уже в сентябре 1918 г. стали возникать подпольные революционные комитеты, руководимые большевиками. В. А. Бородавкин говорил о необходимости правдиво излагать восприятия, но основываться и на документах. В связи с этим он возражал против произвольного истолкования авторами книги документов, касающихся Я. К. Кокушкина. В заключение В. А. Бородавкин горячо призывал оставить чувство неприязни и недоброжелательства и товарищеской критикой помочь авторам устранить недостатки и ошибки их труда, не зачеркивая его категорическим отрицанием.

А. П. Алютин отметил, что Дальневосточная секция ВНО при ЦМСА готова была содействовать тому, чтобы книга была более совершенной и не содержала так много ошибок, которые обнаружались лишь после того, как она увидела свет. Но И. П. Самусенко, зная о том, что принято знакомить с подготовленными рукописями членов своей секции, предусмотрительно вышел из ВНО перед выпуском книги. Н. К. Ильюхов и И. П. Самусенко претендуют на освещение событий во всем Приморье. Но реально этого они не сделали и сделать не могли, так как не были свидетелями того, что происходило в других районах, связи между которыми в тех условиях практически не имелось. Так, в книге ничего не говорится о подготовке к партизанской войне на руднике Тетюхе, которая развернулась совершенно самостоятельно с сентября 1918 года. Так же разворачивались события и во многих других районах. В книге написано, сказал А. П. Алютин, будто я был назначен уполномоченным «ПШ» в Ольге и Тетюхе (стр. 187). В действительности ничего этого не было. А. П. Алютин привел ряд фактов борьбы партизан на Тетюхе, о которых авторы ничего не сказали и, естественно, сказать не могли. Он отметил, что некоторые ошибки имеют анекдотический характер. Так, в книге рассказывается о некоей старой сигнальной пушке, которая будто бы была снята с маяка, установлена на вагонетке железнодорожной узкоколейки и передвигалась вдоль морского побережья, парализуя «все попытки вражеских кораблей приблизиться к Тетюхе» (стр. 83—84). Но все дело в том, что узкоколейка от пристани Тетюхе шла не вдоль побережья, а в глубь материка.

В. Ф. Рыжиков высказал пожелание, чтобы Воениздат придерживался в дальнейшем установившейся ныне практики рецензирования готовящихся к печати исторических книг в Военно-научном обществе. По его мнению, если бы это было сделано в отношении книги Н. К. Ильюхова и И. П. Самусенко, то многих присущих ей крупных недостатков можно было бы избежать.

М. А. Беликов поддержал инициативу редакции журнала, организовавшей обсуждение письма группы старых большевиков-дальневосточников. Состоявшееся деловое обсуждение, сказал он, поможет тем исследователям, которые в дальнейшем будут работать над проблематикой, явившейся предметом настоящей дискуссии.

По мнению И. Г. Розанова, состоявшееся обсуждение, а также материалы, которые поступили от авторов письма в подтверждение высказанных ими точек зрения и от авторов книги в ответ на критику в их адрес, — это практически новая страница в разработке истории партизанского движения на Дальнем Востоке. И. Г. Розанов признал, что Воениздат допустил ошибку, издав книгу Н. К. Ильюхова и И. П. Самусенко без обсуждения ее с историками и ветеранами-дальневосточниками. Он выразил сожаление, что в отношении Я. К. Кокушкина, всеми уважаемого человека, прошедшего большой жизненный путь, допущены односторонние и несправедливые утверждения. Неудачно сформулировано то место книги, где рассказывается о приезде к партизанам С. Г. Лазо, М. И. Губельмана и других руководителей партийной организации Приморья. Создается впечатление, что роль этого партийного центра авторами принижается. Имеется в книге немало и других ошибок и субъективных моментов. Наша задача, сказал он, не допускать впредь выхода книг, которые имеют подобные недостатки. Но есть и другая сторона вопроса. Издательство получило не только отрицательные, но и ряд положительных отзывов о книге, в том числе опубликованных в газетах. Поэтому нельзя согласиться со всеми положениями письма Ф. Н. Пет-

рова, А. П. Алютина и других товарищей, которые, видимо, тоже в ряде случаев не избежали субъективности в оценке книги.

В редакцию поступило несколько заявлений, авторы которых не имели возможности выступить на совещании.

Ряд критических замечаний, повторяющихся в основном положения, изложенные в письме, присланном в редакцию, содержится в заявлении К. П. Серова (Ленинград).

Активный участник борьбы на Дальнем Востоке, член КПСС с 1917 г. В. П. Голионко в своем заявлении хотя и признает, что в письме, поступившем в редакцию, много ценных замечаний и уточнений, но вместе с тем отмечает, что в нем есть утверждения, не соответствующие действительности, и ошибочные положения. В. П. Голионко критикует авторов письма за то, что они говорят только об отрицательных отзывах о книге и не приводят положительных, которые тоже имеются (например, в газетах «Красное знамя», «Тихоокеанская звезда», «Красный сучанец»). В. П. Голионко, по существу, присоединился к тому, что сказано в книге о Я. К. Кокушкине и о письме П. М. Никифорова. Далее он пишет, что Читю в конце 1920 г. освободили не части НРА, а партизаны. По его мнению, наступление войск ДВР вызвало бы конфликт с Японией. И только когда японское командование убедилось, что наступали не регулярные войска, а партизаны, оно не вмешалось в ход событий. В результате семеновцы были разбиты и «пробка» ликвидирована.

В заявлении А. Т. Якимова критикуются содержащиеся в книге оценки ряда широко известных участников гражданской войны и отмечается преувеличение роли некоторых других деятелей того времени. А. Т. Якимов полностью поддержал резкие протесты выступавших против данной в книге оценки деятельности Я. К. Кокушкина. Он считает утверждение о том, что Б. Н. Мельников осенью 1921 г., в условиях создавшейся сложной и тяжелой обстановки, оказался «не на высоте» (стр. 238), неверным. Необоснованные выпады делаются в книге и против таких активных борцов за власть Советов, как В. П. Шишкин (стр. 32), П. М. Никифоров (стр. 85), Г. М. Шевченко (стр. 110—111). В пособничестве эсерам обвинен Н. И. Колесниченко (стр. 214), тогда как он работал в контакте с большевиками. Значительная часть книги посвящена описанию деятельности Н. К. Ильюхова, всегда якобы безупречной и неизменно одобряемой С. Г. Лазо. Не страдает скромностью и И. П. Самусенко: немало места отведено его деятельности, а на стр. 247 особо подчеркивается его «мужество и храбрость» в бою у Ново-Гордеевки в марте 1922 года. Конечно, оба автора имели определенные заслуги. Но им не следовало настойчиво преувеличивать свою роль в организации и руководстве партизанским движением в Приморье в целом. Роль Н. К. Ильюхова, делает вывод А. Т. Якимов, «возможно, и была значительной, но в пределах Сучанской долины, а не в масштабе Южного Приморья и тем более не в масштабе всего Приморья». Это доказывается, например, тем, что П. П. Постышев, перечисляя в своих воспоминаниях известных зачинателей и организаторов партизанского движения в Приморье, имен Н. Ильюхова и И. Самусенко не упоминает²⁵. А. К. Флегонтов, бывший командующий партизанскими отрядами Приморья, писал, что когда в конце 1921 г. в Сучанскую долину из Владивостока прибыл Н. К. Ильюхов с несколькими товарищами и попытался создать штаб командования партизанскими отрядами в противовес штабу, уже существовавшему в дер. Биневской, «симпатии партизан были на стороне биневского штаба, возглавляемого Вольским как наиболее популярным боевым партизанским командиром»²⁶. Нуждается в проверке хвалебная характеристика, даваемая в книге бывшему полковнику царской армии Иванову (стр. 190).

В ходе дискуссии было высказано много интересных соображений и критических замечаний; сказал, подводя итоги обсуждения, первый заместитель главного редактора журнала Д. К. Шелестов. Он поддержал призыв В. А. Бородавкина о том, чтобы в обсуждениях больше присутствовал дух товарищества и взаимного уважения. Именно таким было большинство выступлений на этом заседании. Касаясь вопроса о причинах, в силу которых книги, написанные ветеранами, нередко вызывают много

²⁵ П. П. Постышев. Гражданская война на востоке Сибири (1917—1922 гг.). Воспоминания. М. 1957, стр. 43.

²⁶ «В огне революции». Сборник статей и воспоминаний, стр. 174.

критических замечаний, Д. К. Шелестов высказал мнение, что это чаще всего проистекает из-за смешения двух жанров — мемуаров и исторического исследования. Мемуары — чрезвычайно интересный и своеобразный исторический источник. Нередко он содержит свидетельства о таких фактах и явлениях, о которых нет сведений в других источниках, передает колорит, дух соответствующей эпохи. На протяжении почти двадцати лет, до середины 50-х годов, в силу обстановки, созданной под влиянием культа личности, мемуары у нас почти не издавались. Теперь положение резко изменилось. Опубликовано значительное число воспоминаний активных участников гражданской и Великой Отечественной войн и социалистического строительства. Очень большую и плодотворную работу по изданию мемуарной литературы ведет и Воениздат. Но в связи с выходом в свет многих воспоминаний выявился ряд моментов, которые не могут не настораживать. Речь идет об имеющихся случаях искажения исторической правды, о стремлении в погоне за увлекательностью изложения чрезмерно беллетризовать тексты, нередко в ущерб истине, о попытках освещать и те события, в которых мемуарист участия не принимал и, следовательно, о которых он может судить не по личным восприятиям, а на основе документов или книг других авторов. В последнем случае перед нами уже не свидетельство очевидца, а попытка подойти к освещению событий с позиций историка. Такова и книга Н. К. Ильюхова и И. П. Самусенко. Отсюда проистекают и многие ее ошибки, о которых здесь говорилось. Одно дело — смотреть на события из «партизанского окошка», как выразился С. Г. Вележев, а другое — дать объективную картину процесса в целом.

Если отбросить некоторые второстепенные вопросы, сказал далее Д. К. Шелестов, то в основе дискуссии лежит принципиальный спор по двум главным вопросам: во-первых, где, как, в каких формах зародилось партизанское движение в Приморье; во-вторых, какими путями осуществлялось партийное руководство этим движением. Этот спор, несомненно, заинтересует не только участников событий, но и историков. Можно надеяться, что настоящая дискуссия послужит в какой-то степени толчком к дальнейшему углубленному изучению истории гражданской войны и борьбы с интервенцией на Дальнем Востоке и, в частности, вопросов, на которых останавливались выступавшие здесь историки и ветераны-дальневосточники.

К. И. Седов

Хроникальные заметки

◆ 95-летию со дня рождения Н. К. Крупской было посвящено состоявшееся 26 февраля заседание сотрудников Института марксизма-ленинизма, Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Вступительное слово произнес заместитель директора ИМЛ Г. Д. Обичкин. Доклад о жизни и деятельности Н. К. Крупской сделал заместитель директора ИМЛ А. А. Соловьев. С воспоминаниями о Надежде Константиновне выступили старейший член КПСС Герой Социалистического Труда Ф. Н. Петров, действительный член Академии педагогических наук РСФСР А. М. Арсеньев, член КПСС с 1907 г. А. Г. Кравченко.

◆ Юбилейные торжества, посвященные 400-летию русского книгопечатания, начавшиеся в феврале 1964 г., завершились 5 мая закладкой памятника Ивану Федорову во Львове. Центральными событиями явились торжественное заседание в Москве, специальная сессия Академии наук СССР, «Федоровские чтения», выставка в

Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина и др. Открывая «Федоровские чтения», директор библиотеки им. В. И. Ленина И. П. Кондаков отметил огромную роль русского книгопечатания в развитии национальных культур народов нашей страны. Началу русского книгопечатания посвятил доклад чл.-корр. АН СССР А. А. Сидоров. Был зачитан доклад чл.-корр. АН УССР П. Н. Попова «Роль Киева в истории книгопечатания на Украине». Академик АН БССР Т. С. Горбунов выступил с докладом «Из истории книгопечатания в Белоруссии».

◆ В начале февраля в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте имени К. Л. Хетагурова состоялась научная конференция, посвященная итогам исследовательской работы за 1963 год. В секциях и на пленарном заседании было заслушано и обсуждено 36 докладов и сообщений; в секциях общественных и исторических наук — 9 докладов. Т. Б. Тургиев посвятил свое сообщение истории развития и характеру отношений между